

• Автор: [Леонид Исаев](#)

[Есть ли мир после Астаны?](#)

23-24 января в столице Казахстана сирийский режим и представители некоторых повстанческих группировок возобновили переговорный процесс по урегулированию ситуации в Сирии. До этого стороны встречались в апреле минувшего года в Женеве, после чего попытки политического решения конфликта постоянно заходили в тупик.

Давать какую бы то ни было оценку Астане представляется преждевременным, поскольку она априори носит промежуточный характер, о чем говорит низкий уровень прибывших делегаций (российскую, в частности, возглавил специальный представитель президента по Сирии Александр Лаврентьев) и ограниченное число оппозиционных группировок, участвовавших в переговорах. Отсюда и весьма скромные, но в то же время относительно реалистичные цели, которые ставили перед собой участники и организаторы встречи.

Сергей Лавров в преддверии переговоров сформулировал основную задачу Астаны: укрепление режима перемирия, достигнутого в самом конце минувшего года. Представители Свободной сирийской армии подтвердили это намерение, однако наряду с этим рассчитывали добиться доступа к гуманитарной помощи, а также освобождения политзаключенных. Официальный Дамаск и вовсе не спешил с режимом прекращения огня. Как до, так и во время встречи в Астане Асад постоянно нарушал режим прекращения огня в Восточной Гуте и Вади Баради, оправдывая это гуманитарными нуждами, что в частности послужило поводом для отказа от поездки в Казахстан «Ахрар аш-Шам».

Основная цель Астаны может заключаться в том, чтобы создать условия для возобновления женевского переговорного процесса, предусмотренного резолюцией Совета безопасности ООН 2254. Эта задача нашла свое отражение в совместном заявлении представителей Турции, Ирана и России, подписанном по итогам встречи в Казахстане. И в этом смысле локальная инициатива Астаны – не более чем попытка ускорить процесс политического урегулирования сирийского конфликта под руководством специального посланника ООН Стаффана де Мистуры, поскольку именно женевский формат, но никак не астанинский способен привести к принятию решений, применимых для реализации в масштабах всей Сирии, а не только в ее отдельных районах.

Для всех трех стран, выступивших в результате гаранты соблюдения режима прекращения огня, – Ирана, Турции и России – снижение конфликтности в Сирии в настоящее время выгодно. Из всех внешних участников конфликта именно Москва, Тегеран и Анкара оказались наиболее втянутыми в него. Более того, преимущества, достигнутые в ходе осуществления своего военного присутствия в Сирии, нуждаются в скорейшей конвертации в политические дивиденды, в противном случае они рискуют быть нивелированными все возрастающими издержками для каждой из трех сторон. Именно этим и можно объяснить ситуативный альянс, сложившийся в конце 2016 года из стран экзистенциально далеких от какого бы то ни было союза и занимающих непримиримые позиции в отношении своего видения постконфликтной Сирии.

Проблема, однако, заключается в том, что на сегодняшний день усилий «тройки» недостаточно не только для того, чтобы разрешить сирийский кризис, но и чтобы обеспечить режим прекращения огня в масштабах всей страны. Единственным регионом, где предлагаемый «тройкой» механизм контроля за соблюдением режима «тишины» может сработать, является сирийский северо-запад, в пределах которого все три стороны способны оказать необходимое давление на своих союзников «на земле», что могло бы привести к относительному затишью. С дежурными нарушениями, но все же перемирие здесь более или менее соблюдается, начиная с конца декабря прошлого года, однако главный вопрос заключается в его продолжительности.

Пока тройственный формат, пришедший на смену российско-американскому диалогу в рамках Международной группы поддержки Сирии (МГПС), где Москва и Вашингтон выступали в качестве сопредседателей, своими действиями вызывает *дежавю*. Практически год тому назад США и Россия во время подготовки к Женеве уже прибегали к подобным мерам для создания более благоприятных условий ведения переговорного процесса. И тогда российско-американские усилия – как и сейчас – приводили к снижению конфликтности в Сирии. Однако основная проблема заключалась в неспособности конфликтующих сторон прийти к устраивающему их политическому решению.

Надо сказать, что эту же проблему не удалось решить и в Астане. Даже несмотря на то, что число участников казахстанской встречи было несравнимо меньше, нежели собиралось весной прошлого года в Женеве, ее инициаторам помимо всего прочего так и не удалось сподвигнуть стороны к прямым переговорам друг с другом. Роль де Мистуры, поочередно встречавшегося на полях Женевы с каждой из делегаций, в Астане выполняла «тройка», посредством которой и осуществлялась коммуникация между делегациями Башара аль-Джаафари и Мухаммеда Аллуша. Не говоря уже о том, что ни оппозиция, ни режим так и не оказались готовыми к тому, чтобы занять более гибкую позицию, отступив от ультимативных требований в адрес друг друга.

Но если «тройка» рассчитывает, что режим прекращения огня будет носить долгосрочный характер, то эту проблему придется решать в самое ближайшее время. По всей видимости, на это и направлена состоявшаяся 27 января встреча представителей сирийской оппозиции с Сергеем Лавровым в Москве, на повестке которой стояло обсуждение российского проекта сирийской конституции, который Александр Лаврентьев передал представителям оппозиции в Астане, дабы попытаться придать Женеве хоть сколь-нибудь конструктивный характер. Этим, скорее всего, был продиктован и перенос Женевы с 8 февраля на конец месяца, о чем заявил Сергей Лавров. Ведь Женеве несет для России важный репутационный характер, поскольку в случае безрезультативности женевских переговоров у российского руководства на этот раз не будет возможностей списать провал на деструктивную роль США или других внешних «партнеров», как это обычно происходило ранее. Ставки в Женеве будут для Кремля слишком высоки, а результаты по-прежнему останутся непредсказуемыми, что вынуждает Москву действовать более осторожно и идти на контакт с теми, кого еще недавно считали

«террористами».

Единственный вопрос, который остается на повестке дня – будет ли Россия восприниматься как режимом, так и оппозицией в качестве надежного посредника, на роль которого она претендует. И официальный Дамаск, и Тегеран с большой настороженностью наблюдают за активизировавшимися контактами между Москвой и вооруженными группировками. О репутации же российского руководства среди повстанцев и вовсе не придется говорить после прошлогодних бомбардировок Алеппо, серьезно подорвавших доверие к России. Свидетельством этого стал отказ Высшего комитета по переговорам прибыть в Москву 27 января на встречу с министром иностранных дел.

Наконец, успех Астаны и всей тройственной инициативы возможен лишь в том случае, если она впоследствии сможет обрасти новыми внешними участниками, от которых напрямую зависит ситуация в Сирии: как минимум США, странами Залива и Иорданией. На сегодняшний день обсуждение сирийского будущего и достижение каких бы то ни было договоренностей по Сирии без курдов, Южного фронта и т.д. выглядит абсолютно нежизнеспособным и не может быть имплементировано на практике. В этом смысле формат «Россия-Иран-Турция» – хороший старт в политическом диалоге по Сирии, на основе которого возможны подвижки в этом направлении. Однако с учетом существующих разногласий остается неясно, смогут ли стороны развить этот локальный успех.

Разногласия, существующие между странами «тройки», по-прежнему остаются существенными как по вопросу сирийского урегулирования, так и по вопросу привлечения к переговорному процессу новых игроков. При этом не стоит питать никаких иллюзий относительно того, что как внутренние, так и внешние игроки будут готовы присоединиться к тройственной инициативе только на паритетных началах с Россией, Турцией и Ираном. В этой связи ставшее в последнее время традиционным нежелание Москвы наряду с Тегераном и эрдогановской Турцией играть по общепринятым правилам игры, а также их стремление к генерированию своих собственных моральных и правовых установок, может оказаться камнем преткновения на пути к достижению политического компромисса.

теги

[syria](#)

категории

[Russia / World](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu